

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

T. Nessel. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of the Russian language. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015. xxvi, 361 p. ISBN 978-0-89357-443-7.

Алексей Андреевич Козлов

Alexey A. Kozlov

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; scripturas@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; scripturas@mail.ru

Введение. Работа Тупе Нессета «How Russian came to be the way it is» посвящена систематизированному изложению истории русского литературного языка.

Она сильно отличается от более привычных отечественному читателю учебников. Недостатка в учебных пособиях по курсу исторической грамматики, который прочно занял свое место в учебных планах российских филологических факультетов, не наблюдается: есть классическая (и давно и успешно используемая в преподавании) монография В. И. Борковского и П. С. Кузнецова [1963]; классические учебники В. В. Иванова [1964] и К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева [1981]; излагающий в определенной степени авторскую интерпретацию исторических данных учебник петербургского слависта В. В. Колесова [2009]. Существует немалое количество учебных пособий, содержащих громадный массив фактов, накопленных русским историческим языкознанием, в упрощенном и адаптированном виде: назовем хотя бы учебники [Трофимович 2011] и [Сабитова 2014]. Наконец, есть замечательная по полноте охвата материала и современности его трактовок недавняя обобщающая монография Е. А. Галинской [2014].

Однако все эти книги объединяет одна черта: они целиком находятся в контексте исторической русистики. Историческая русистика (в первую очередь, конечно, отечественная) — очень замкнутая и консервативная дисциплина; она бережно охраняет свои границы от взаимодействия с другими разделами лингвистики — не только теоретическим синтаксисом или семантикой, но и, например, сравнительно-историческим индоевропейским языкознанием (реконструкции, используемые в учебниках по исторической грамматике, обычно как минимум полувековой давности)¹. Между тем языковая диахрония и диахронические объяснения стали чуть ли не самой модной темой в современной лингвистике — по крайней мере, в ее «функционально-типологической» части. Соня Кристофаро [Cristofaro 2010; 2012] настаивает на том, что синхронная дистрибуция языковых единиц чаще всего не отражает никаких универсальных когнитивных и коммуникативных принципов напрямую — эти принципы лишь запускают диахронические процессы, а уж результатом последних, в свою очередь, являются синхронные паттерны (см. тж. [Bybee 2008; Bickel 2015]).

Главная цель Нессета пропедевтическая. Его аудиторией, прежде всего, являются студенты лингвистических отделений западных университетов. По-видимому, единственное

¹ Исключением — как и во многих других случаях — является монография Е. А. Галинской [2014]: вполне в духе современной грамматической типологии ее автор рассуждает о семантике перфекта или приводит индоевропейские реконструкции с ларингалами. Однако и у Галинской это, скорее, не последовательная линия, а спорадические экскурсы.

(и то нестрогое) требование к читателю книги — иметь какие-то представления о современном русском языке: в начале каждой главы объявляется, какие загадки и нерегулярности синхронного состояния русского языка будут объяснены историческими процессами, а в изложении материала автор нередко апеллирует к тому, как выглядят соответствующие обсуждаемым формы в современном языке. Возможно, что для адресатов учебника история русского языка — единственный или первый историко-лингвистический курс, поэтому перед Нессетом стоит еще и задача познакомить читателя с общими принципами языковых изменений: эти знания могут пригодиться начинающему лингвисту в сколь угодно далеких от русистики областях. Этим, как кажется, и объясняется главная отличительная черта рецензируемого издания: автор помещает факты истории русского языка в контекст современных теоретических представлений о развитии языка вообще. Причем это, конечно, не какие-нибудь сложные и спорные построения, а привычные идеи о регулярности фонологических изменений, правилах аналогических сдвигов и грамматикализации.

1. Вводные главы. Так как никто не гарантирует, что у студентов Нессета будет хотя бы какой-нибудь славистический кругозор, в учебнике есть целых три вводных главы (они занимают семьдесят страниц в почти 400-страничной книге). Первая, «The scene», посвящена краткому изложению истории средневековой Руси (до конца XVII в.), а вторая, «The texts», — обзору древнерусской книжности и литературы. Эти главы дают, в общем, достаточный историко-филологический фон для начального знакомства с древнерусскими текстами — такой, какого часто не хватает даже российским студентам, приступающим к изучению курса исторической грамматики².

Лингвисту, однако, гораздо более интересна третья глава, «The toolbox». В ней довольно сжато, на тринадцати страницах, излагаются основные положения и допущения исторической лингвистики. Насколько нам известно, в традиции учебных пособий по истории русского языка это первый случай такого рода; короткое теоретико-методологическое введение есть в учебнике В. В. Колесова [2009], но оно, скорее, представляет собой наброски его собственной — довольно сложной и нетривиальной — культурно-исторической концепции. Нессет же излагает совершенно общепринятые утверждения, причем так, чтобы их можно было как можно легче усвоить: во-первых, крайне эксплицитно, во-вторых, предельно структурированно.

Покажем на примере третьей главы, как Нессет подает материал. Эта глава разбита на разделы, каждый размером со страницу или даже меньше: «3.1. Synchrony and diachrony», «3.2. Genetically and typologically related languages», «3.3. History of standard languages vs. historical dialectology» — и так далее. Каждый из подразделов посвящен изложению одной довольно простой, но важной для ориентации в истории языка идее: например, в разделе 3.3 подчеркивается разница между историей литературного языка, на которую сильно влияют разнообразные факторы вне языковой системы (представления о норме и т. д.), и развитием разговорного языка, которое гораздо в меньшей степени обусловлено тем, что Нессет называет «formal instruction». Конечно, для изучения древнерусского литературного языка с его полифонией многочисленных «регистров» или «языковых стихий» проводить это различие совершенно необходимо — и замечательно, что ему посвящен отдельный подраздел: студенту не приходится считывать эту информацию из presuppositions автора учебника или находить ее где-нибудь в придаточном предложении.

Центральная часть третьей главы — четыре методологических подраздела. Они посвящены:

— регулярным фонетическим изменениям, фонетическим законам и праязыковой реконструкции;

² Преподавательский опыт рецензента показывает, что каждый год на коллоквиумах и экзаменах по старославянскому языку несколько первокурсников филологического факультета МГУ с готовностью откликаются на предложение реконструировать праславянскую праформу слова *Kauaѡa*: *k... — а дальше *o или *a?..

- двум наиболее частым источникам исключений из фонетических законов — заимствованиям и аналогии;
- грамматикализации;
- реанализу (то есть изменению лингвистического статуса формы без изменения самой формы).

В каждом из этих разделов дается, во-первых, определение соответствующего понятия (что немаловажно: пусть читатель попыбует найти даже в лучших традиционных учебниках по старославянскому или исторической грамматике определение «аналогического сдвига»!), какое-то его обсуждение и, конечно, примеры. Организация примеров — другое большое дидактическое преимущество книги Нессета. Во всех без исключения традиционных учебниках по истории русского языка примеры даются, во-первых, внутри текста, а во-вторых, в избыточном количестве, по пять-шесть примеров на отдельно взятое грамматическое явление, словно бы перед автором стоит задача убедить студента в его интерпретации данных; в результате текст учебника становится действительно сложно воспринимать. У Нессета же большинство примеров, как это принято в современных лингвистических работах, даются каждый с новой строки и сопровождаются сквозной нумерацией:

(1)=(5) Nom: *rĕk-a*, Acc: *rĕk-u*, Gen: *rĕk-y*, Dat: *rĕc'-ĕ*, Inst: *rĕk-oju*, Loc: *rĕc'-ĕ*³.

Так же оформляются определения и другие важные формулировки:

(2)=(6) Analogy: A morphological change, whereby one form becomes more similar (analogous) to another form.

Следующие главы, посвященные собственно истории русского языка, не являются концептуально независимыми от третьей главы: материал излагается в терминах, которые были введены ранее; читатель видит, как в древнерусском и старорусском воплощались уже знакомые ему общие принципы языковых изменений.

Кроме упомянутых выше, третья глава включает разделы про «древесную» и «волновую» модели языкового родства (последняя особенно актуальна при обсуждении восточнославянского диалектного континуума) и абсолютную и относительную датировку языковых изменений. Главу 3 (как и все остальные главы) заканчивают еще два замечательных с дидактической точки зрения раздела: «Summary», в котором — тоже в виде нумерованного списка — перечисляются 19 самых важных введенных понятий и повторяются их определения, и «For further reading», где предлагается дополнительное чтение по каждому из разделов (не больше десяти наименований после каждой главы; важно, что книги тщательно отобраны, так что читатель не утонет в библиографической лавине; с другой стороны, это не 16 наименований, которые дополнительно рекомендует прочитать В. В. Колесов в конце своего учебника [Колесов 2009: 507]).

2. Морфология, синтаксис и фонология. Именно в таком нетрадиционном порядке идут друг за другом в рецензируемой книге основные разделы грамматики. Причину этого Нессет объясняет сам [Neset 2015: 94—95]: после краткого введения (crash-course) в древнерусскую именную и глагольную морфологию уже можно начинать читать со студентами тексты — и потом (параллельно с чтением) постепенно расширять их лингвистические знания.

Четвертая глава, посвященная морфологии имени, устроена довольно традиционно: одно за другим обсуждаются древнерусские типы склонения; заметным отличием является, пожалуй, лишь предваряющий это обсуждение короткий обзор именного склонения в современном русском языке (с акцентом на «маргинальные» падежи: партиитивный *сахару*, местный *в лесу* и т. д.). Сразу после этого изложена история типов склонения от древнерусского

³ Это, конечно, не изложение системы склонения — оно, естественно, подается в виде таблицы, — а просто пример, сопровождающий рассуждение об аналогических сдвигах в парадигме.

периода до наших дней — эту традиционно запутанную и сложную для изучения тему Нессет умещает в две страницы! Он достигает такой компактности, предельно упрощая материал: опуская все промежуточные стадии, вообще не касаясь унификации форм множественного числа, потери противопоставления твердой и мягкой разновидностей склонения и т. д. То же самое характеризует и все последующие главы: Нессет очень осторожно (иногда даже скупой) отбирает материал, который включает в учебник; в нем действительно не содержится ничего лишнего⁴. Видно, что автор ставит перед собой в первую очередь педагогические цели: то, что изложено, изложено предельно ясно; каждая глава обязательно оканчивается разделами «Summary» и «For further reading», а начинается трогательным абзацем с проблемными вопросами, на которые читатель найдет ответ ниже: «Why is **путь** the only masculine noun in declension III?» (Последние, однако, иногда звучат несколько натушно: «Have you ever wondered whether the so-called reflexive postfix **-ся** is related to the reflexive pronoun **себя**?»)

Похожим образом устроены главы про местоимения, прилагательные и «слова для обозначения чисел» — материал для изложения отбирается очень строго, но если автор все-таки касается какой-то проблемы, он излагает ее подробно и структурированно. Например, формированию склонения членных форм прилагательных посвящено семь страниц (для сравнения: у Е. А. Галинской большее количество материала уместено в две страницы [Галинская 2014: 254—256]), оно еще раз суммируется в маленьком собственном подразделе «Summary» и на диаграмме на с. 118. Кроме этого, в главе про прилагательные следует отметить подробное обсуждение противопоставления кратких и полных форм (чего часто не хватает в отечественных курсах старославянского).

Восьмая глава посвящена морфологии глагола. Это одна из самых сложных (если не самая сложная) тема в курсах старославянского языка и исторической грамматики; Нессету тоже не удалось изложить ее так же изящно, как морфологию имени и местоимений. Проблематика образования презентных форм излагается на четырех страницах сплошного текста (правда, там есть две таблицы спряжения и одна диаграмма, посвященная классам глаголов). Без разбиения на подразделы следует информация о тематических гласных, о наличии пяти глагольных классов, скудная информация о них (четких критериев отнесения глагола к классу нет), распределении по лично-числовым формам тематических гласных *-о-* и *-е-*, истории личных окончаний *-тъ* и *-ши*, «йотовых презенсах»... В этот раздел нужно вчитываться; он не удостоился даже собственного «Summary»; в целом он гораздо больше, чем все остальные части книги, выглядит похожим на традиционные отечественные учебники. То, как описано образование форм прошедшего времени, выглядит более последовательным и структурированным (хотя в начале и заявляется, что аорист «was formed by the addition of the ending in Table 40 to the infinitive stem», при том, что противопоставления основы презенса и основы инфинитива ранее введено не было, основа инфинитива как самостоятельное понятие упоминается здесь в первый раз).

Далее следует обстоятельное обсуждение грамматической семантики глагольных форм и их взаимодействие с категорией вида — это, наоборот, одно из лучших мест книги. При этом в изложении удачно соблюдается баланс между традиционными интерпретациями и результатами исследований норвежских палеорусистов Х. Экхоф, Л. Янды и самого Т. Нессета.

Следующая глава, посвященная синтаксису, столь же несомненно принадлежит к числу удач Нессета. Синтаксис в исторической русистике по-прежнему остается областью, разработанной гораздо хуже, чем фонология или морфология; неслучайно в самой современной и полной отечественной исторической грамматике — монографии Е. А. Галинской — синтаксический раздел попросту отсутствует. В тех работах, в которых проблематика синтаксиса все же затрагивается, часто встречаются довольно спорные, архаические представления об этом предмете: например, согласно В. В. Колесову, на древнерусском этапе в языке

⁴ Кажется, в первую очередь этим характеризуются те некоторые упрощения фактов, за которые Нессета критикует в своей рецензии Иван Игартуа [Igartua 2016].

почти не было гипотаксиса (то есть сложноподчиненных предложений), а был только паратаксис⁵. Нессет коротко рассматривает основные типологические особенности древнерусского синтаксиса. Приведем просто список затрагиваемых тем:

- *pro-drop* (опущение личных местоимений в позиции подлежащего при финитных формах глагола);
- номинативный объект в конструкциях типа *вода пити* и генитивный объект при супине;
- развитие предикативного творительного падежа;
- предложное и беспредложное выражение обстоятельственных значений;
- конкуренция генитива с относительными и притяжательными прилагательными в посессивных конструкциях;
- пассив и способы выражения агентивного дополнения;
- дательный самостоятельный и конвербиальные употребления причастий;
- семантическое согласование предиката с количественными конструкциями и собирательными существительными;
- клитики и их линеаризация;
- полипредикация и способы оформления зависимых клауз.

Следующие три главы посвящены сегментной исторической фонологии: первые две из них рассматривают предысторию древнерусских гласных и согласных соответственно, а третья — эволюцию фонологической системы от древнерусского этапа к современному. Предлагаемые интерпретации вполне традиционны (вплоть до того, что глава, посвященная утрате *ятя*, называется «The fate of /ѣ/ (yat')» — калька со специфического для русскоязычной славистики термина «судьба»). Некоторым исключением являются сведения, которые автор черпает из монументального труда по исторической фонетике Ю. Шевелова [Shevelov 1964]; по мнению Нессета, это «insurpassable source of information about Common Slavic phonology» (с. 210). Изложение построено по тому же принципу, который мы видели выше: автор отбирает отдельные темы, но обсуждает их крайне подробно (например, про изменения гласных в последнем слоге, упрощение групп согласных или возникновение «*о* закрытого» в учебнике не написано вообще ничего, зато «правила руки» посвящены четыре страницы; для сравнения: у Е. А. Галинской — скромный абзац). Настоящей удачей является раздел про переход *е* в *о* — в нем на пяти страницах подробно разбираются принципы относительной датировки исторических изменений в языке (как известно, эмпирические данные позволяют осуществить такую датировку относительно не только перехода /*рь*/ → /*ел*/, но и, например, ассимиляции [р'] в позиции перед твердыми зубными и остальными твердыми согласными, отвердения шипящих и др.). Стоит отметить последовательный «реализм» праформ: например, Нессет не пишет о монофтонгизации дифтонгов **ou* и **oi*, так как несколькими главами ранее был описан универсальный праславянский переход **o* > **a*, теперь в языке остались только дифтонги **au* и **ai* соответственно; точно так же конечный согласный, отпавший в слове *сынъ*, не **s*, а **x*: **sūnīx* > **sūnī*. Разумеется, верно, что любая праформа условна, а «промежуточные» праформы — условны в еще большей мере (относительную хронологию изменений удастся установить не всегда), но в дидактическом отношении такая последовательность крайне полезна.

Наконец, завершает фонологическую часть книги глава, посвященная просодическим изменениям в фонологической системе — ударению и редукции гласных. Описание акцентологических изменений, предлагаемое Нессетом, по-видимому, пока является самым полным и подробным среди тех, которые вообще представлены в учебной литературе по истории русского языка: сначала пространно описывается современная русская система акцентуации, затем (кратко) общеславянская тоновая, затем парадигматическая древнерусская

⁵ Современная лингвистическая типология, по-видимому, не знает языков без подчинительной клаузуальной связи ни в одной точке земного шара, если не считать таковым известный язык пирахан [Everett 2005].

и переход от древнерусской к современной (всё опираясь на исследования А. А. Зализняка [1985]). Далее следует подробное обсуждение развития аканья.

Основное изложение материала заканчивается короткой главой о новгородских диалектных особенностях. Нессет [Neset 2015: 98] цитирует интервью А. А. Зализняка, сетующего, что в курсы исторической грамматики крайне медленно проникают открытые им сведения о лингвистическом своеобразии новгородского диалекта — а ведь они исключительно важны для понимания раннего этапа истории русского языка. В. В. Колесов [2009: 44—45] представляет дело так, будто известные новгородские примеры без второй палатализации (*Дѣмькъ* и т. д.) суть результат аналогического выравнивания! Единственное учебное пособие, где пространно (полнее, чем у Нессета) даны новгородские диалектные особенности, — это монография Е. А. Галинской [2014]; ее изложение отличается тем, что соответствующие разделы разнесены по книге: древненовгородская фонетика описывается в разделе о фонетике, именное склонение — в разделе, посвященном имени и т. д. Хотя такой способ подачи материала хорош тем, что весь объем сведений о древнерусской фонетике оказывается собранным в одном месте, решение Нессета представляется более удачным с дидактической точки зрения: студенту не приходится сразу сталкиваться со всеми деталями — сначала он знакомится с положением дел в «наддиалектном» древнерусском языке, а потом получает информацию о новгородских диалектных особенностях. Заметим, что похожим образом обычно соотносятся в педагогической практике курсы старославянского и исторической грамматики русского языка: в первом общеславянская грамматическая система в ее старославянском варианте (по крайней мере, фонология и морфология) излагается целиком, а во втором она только дополняется восточнославянскими диалектными особенностями, что позволяет слушателю «достроить» древнерусскую систему.

Книгу завершают Эпилог и четыре приложения: таблицы склонения и спряжения, список основных различий древнерусского и старославянского (как видим, здесь Нессет идет в направлении, обратном отечественной университетской программе), список основных фонетических законов с приблизительными датировками и раздел под названием «Example of text analysis» — рассказ из Повести временных лет о нападении Аскольда и Дира на Константинополь с обширным морфологическим и синтаксическим комментарием.

3. Общие замечания. Книга Нессета замечательна для первого знакомства с историей русского языка. С одной стороны, она не перегружена информацией и отлично структурирована — студент не теряет в обрушивающейся на него лавине данных, что часто бывает проблемой хороших отечественных учебных пособий. С другой стороны, изложение не скучное, не дистиллированное: избранные случаи обсуждаются так, что становится ясно, в чем именно заключается их глубина, сложность и красота. Где уместно, Нессет прибегает и к глубоко теоретическому рассмотрению отдельных проблем, см. анализ закона Педерсена Х. Андерсеном в терминах маркированности [Andersen 1968] и анализ перехода /ky/, /gy/, /xy/ → /k'i/, /g'i/, /x'i/ Дж. Пэджетом в рамках теории дисперсии [Padgett 2003]. Вполне уместно выглядит и объяснение условий падения редуцированных в терминах стопы, принадлежащее самому Нессету (ср., однако, и более ранний анализ Д. Зея [Zec 2003]). Приятно, что автор не обходит молчанием и современные отечественные исследования: кроме обильных ссылок на оба учебных пособия Е. А. Галинской [2004; 2014], в учебнике излагаются, например, взгляды В. Б. Крысько [1994] на эволюцию категории одушевленности; весь раздел, посвященный аканью, опирается на теорию С. В. Князева [Князев 2000; Князев, Шаульскийкий 2007]. В дидактическом отношении книга Нессета, по нашему мнению, превосходит все остальные доступные учебные пособия — и, несмотря на англоязычность, может быть рекомендована как базовый учебник по курсу исторической грамматики (в особенности на отделениях теоретической лингвистики, где на этот курс традиционно отводится меньше часов).

Основной недостаток книги проистекает из ее главного достоинства: она принципиально неполна. Она превосходна как первый учебник по исторической грамматике русского языка, но не может быть единственным таким учебником. Прочитав книгу, студент

не будет знать ничего об унификации парадигм во множественном числе; о праславянском упрощении групп согласных; о существительных склонения на **ǫ*, принимающих флексии **ǫ-ове(-еве)* и *-ови(-еви)* — и др. В частности, книга недостаточна для учебного чтения текстов: в любом сколько-нибудь длинном древнерусском отрывке студент неизбежно столкнется с такими формами, которые у Нессета не описаны. Одним из очевидных выходов из этой ситуации мог бы быть такой: в практическом преподавании использовать работу Нессета вместе с монографией Е. А. Галинской. Последняя, несколько проигрывая, на наш взгляд, рецензируемому изданию в манере подачи материала, сильно превосходит его в отношении полноты — ее достаточно, чтобы (возможно, с помощью преподавателя) читать и анализировать широкий круг древнерусских текстов.

Выскажем несколько частных замечаний. Как мы заметили раньше, Т. Нессета нельзя обвинить в невнимании к российским палеославистам и палеорусистам; учебник чаще всего отражает как новые эмпирические открытия, так и современные интерпретации данных. В этом смысле жаль, что совсем не говорится об альтернативной теории происхождения членных форм прилагательных — не из определенного артикля, а из относительной (по-видимому, изначально аппозитивной) конструкции: *человѣкъ благии* = *человѣкъ иже есть блаъ* [Кукушкина 1993; Галинская 2014: 254], которая кажется, как минимум, более типологически вероятной по сравнению со стандартной гипотезой.

В формулировке перехода /e/ → /o/ Нессет оставляет традиционное условие ударности гласного. Представляется, однако, что этот переход имел место независимо от позиции ударения (о чем свидетельствуют формы типа *скажамъ*; см. [Галинская 2014: 129]), а затем в безударных слогах его результаты были затемнены развитием аканья — кроме всего прочего, такая интерпретация была бы полезна для обсуждения относительных датировок фонологических переходов, предпринимаемого Нессетом как раз в этом разделе.

Все это, конечно, не отменяет того, что рецензируемое учебное пособие — это несомненная удача: поставленные автором цели блистательно достигнуты, у читателей появился учебник по исторической грамматике русского языка, сильно отличающийся от всего того, что было доступно раньше, и говорящий об эволюции языка на языке современной лингвистической теории, с великолепным — глубоким и в то же время исключительно понятным — изложением материала. Конечно, хочется верить, что несмотря на известные сложности (английский язык и меньшая доступность по сравнению с отечественными изданиями; вот если бы перевести его на русский!), и сам учебник «How Russian came to be the way it is», и уж тем более отдельные дидактические решения Type Нессета будут использованы в отечественной педагогической практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Борковский, Кузнецов 1963 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. [Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A historical grammar of the Russian language]. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]
- Галинская 2004 — Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. [Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii*. [Russian historical phonetics. A teaching guide for philological departments of universities and colleges]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 2004.]
- Галинская 2014 — Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: фонетика, морфология. М.: ЛЕНАНД, 2014. [Galinskaya E. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: fonetika, morfologiya*. [A historical grammar of the Russian language: Phonetics, morphology]. Moscow: LENAND, 2014.]
- Горшкова, Хабургаев 1981 — Горшкова К. И., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. [Gorshkova K. I., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A historical grammar of the Russian language]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]

- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Иванов 1964 — Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Учебник. М.: Просвещение, 1964. [Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Uchebnik* [Historical grammar of the Russian language. A teaching guide]. Moscow: Prosveshchenie, 1964.]
- Князев 2000 — Князев С. В. К вопросу о механизме возникновения аканья // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 75—101. [Kniazev S. V. On the origin of akanje in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2000. No. 1. Pp. 75—101.]
- Князев, Шаульский 2007 — Князев С. В., Шаульский Е. В. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1(13). С. 210—224. [Kniazev S. V., Shaul'skii E. V. The genesis of dissimilative akanje (in connection with the problem of phonologization of phonetic phenomena). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 1(13). Pp. 210—224.]
- Крысько 1994 — Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. [Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka* [The evolution of animacy in the history of Russian]. Moscow: Lyceum, 1994.]
- Колесов 2009 — Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие. М.: Academia, 2009. [Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Uchebnoe posobie* [Historical grammar of the Russian language. A teaching guide]. Moscow: Academia, 2009.]
- Кукушкина 1993 — Кукушкина О. В. К вопросу о возникновении славянских членных форм прилагательных и перфективирующей функции глагольных приставок // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 47—65. [Kukushkina O. V. Towards the origin of long forms of adjectives and perfectivating function of verbal prefixes. *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniiyu. Pamyati G. A. Khaburgaeva*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1993. Pp. 47—65.]
- Сабитова 2014 — Сабитова З. К. Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие. М.: Флинта, 2014. [Sabitova Z. K. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Uchebnoe posobie* [Historical grammar of the Russian language. A teaching guide]. Moscow: Flinta, 2014.]
- Трофимович 2011 — Трофимович Т. Г. Историческая грамматика русского языка. Минск: ТетраСистемс, 2011. [Trofimovich T. G. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Minsk: TetraSistems, 2011.]
- Andersen 1968 — Andersen H. IE *s after i, u, r, k in Baltic and Slavic. *Acta Linguistica Hafniensia*. 1968. Vol. 11. No. 2. Pp. 171—190.
- Bybee 2008 — Bybee J. Formal universals as emergent phenomena: The origins of structure preservation. *Language universals and language change*. Good J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 108—121.
- Bickel 2015 — Bickel B. Distributional typology: Statistical inquiries into the dynamics of linguistic diversity. *The Oxford handbook of linguistic analysis*. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. Pp. 901—923.
- Cristofaro 2010 — Cristofaro S. Semantic maps and mental representation. *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. Pp. 35—52.
- Cristofaro 2012 — Cristofaro S. Cognitive explanations, distributional evidence, and diachrony. *Studies in Language*. 2012. Vol. 36. Pp. 645—670.
- Everett 2005 — Everett D. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language. *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 4. Pp. 621—646.
- Igartua 2016 — Igartua I. [Review of:] Nessel T. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of Russian language. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015. *Journal of Historical Linguistics*. Vol. 6. No. 1. Pp. 114—124.
- Nessel 2015 — Nessel T. Old languages, new ways? *Книгамъ бо есть неущетна глубина: Essays in Honour of Irina Lysen*. Eckhoff M., Rosen T. (eds.). Uppsala: Kph Trycksaksbolaget AB, 2015. Pp. 91—101.
- Padgett 2003 — Padgett J. Contrast and post-velar fronting in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. No. 1. Pp. 39—87.
- Shevelov 1964 — Shevelov G. Y. *A prehistory of Slavic: The historical phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964
- Zec 2003 — Zec D. Prosodic weight. *The optimal syllable*. Féry C., van de Vijver R. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.